

ОКСАНА БЕЗЛЕПКИНА-ЧЕРНЯКЕВИЧ

Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)

ORCID 0000-0002-1582-5051

e-mail: a.biazlepkina@gmail.com

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТУТЭЙШАСЦЬ» В БЕЛОРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.**

**EVOLUTION OF THE CONCEPT OF "LOCALITY"
IN THE BELARUSIAN LITERATURE OF THE LATE
NINETEENTH - EARLY TWENTY-FIRST CENTURY**

Abstract

At the end of the 19th - beginning of the 20th centuries in the Belarusian literature the concept of «locality» (*tutejshast'*) was actualize, which referred to the inhabitants without national consciousness, who simultaneously were carriers of the national culture and native speakers of the Belarusian language. «Tutejshast'» is a forced state of people, who are not allowed to become themselves by the non-national authorities. Classical writers called on "local" people to become Belarusians. In Soviet times the concept was used in literature mainly in its everyday meaning. In the late 20th - early 21st centuries in the literature classical interpretation of the concept of the "locals" was preserved mainly in texts about the events of the 19th - early 20th century. The opposition “nationally conscious Belarusians / nationally non-conscious Belarusians” is preserved in fiction about contemporary life. But these are no longer "locals", they are their assimilated descendants who are not familiar with the national culture, do not know the Belarusian language, and do not share national values.

Keywords: Belarusian literature, Belarusian language, nationality, Belarusians, national consciousness

Терминология

Есть некоторые проблемы с переводом самого термина: дословно на русский язык слово «тутэйшы» переводится как «местный»,

«здешний»; на английский – local. Но в этом переводе присутствует только формальное значение, без культурно-исторических коннотаций. С проблемой перевода сталкиваются все исследователи, когда пишут не по-белорусски. Следующую попытку перевода предпринял социолингвист Александр Першай:

Смысл термина «тутэйшасць», как и полноту этого концепта, сложно передать, тем более на другом языке. Английский термин локальность (localness) не охватывает весь спектр значений «тутэйшасці». Он отражает только ту смысловую часть, которая коннотирует «место», «здесь», «тут», «local». В то время как носители славянских языков так же слышат сему происхождения, принадлежности – «отсюдасти», то, что на английском языке можно передать как from-here-ness¹.

«Тутэйшы» – это не просто местный, это свой; это универсальный ответ на вопросы «ты кто, ты чей, ты чьих, ты за кого?», что в регионе, который многократно и недобровольно менял государственную, национальную, религиозную и культурную принадлежность, было частью стратегии выживания. Если человек называл себя по какой-либо конкретной идентичности, эта смелость могла стоить ему жизни и/или имущества.

Обычно под понятием «тутэйшасць» понималась начальная стадия формирования национального самосознания белорусов, шаг к осознанию себя белорусом. Именно эта позиция поддерживается в данной статье. Например, так об этом писал белорусский исследователь и издатель Валер Булгаков:

Обозначение «тутэйшы» является звеном в цепи консеквентной этнокультурной трансформации (литвин – «тутэйшы» – беларус). В «тутэйшым», исходя из этого горизонта опыта, уже «умер» литвин, но ещё «не родился» белорус².

Опираясь на мнения историков и публицистов, иной точки зрения придерживается социолингвист Александр Першай:

¹ Александр Першай: *Тутэйшасць как тактика культурного сопротивления: о локальности, социальной мобильности и белорусской национальной идентичности*, “Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры” 2012, № 2, с. 253. Цит. по: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forum-russ18/12Pershai.pdf>. Дата доступа: 02.08.2021.

² Валер Булгакаў: *Мой Багушэвіч: дыялектыка клясычнага тэксту*, <https://knih.com/storage/frahmenty/4bulhakaw.htm>. Дата доступа: 02.08.2021

Однако национально-ориентированные элиты, которые также боролись за культурное доминирование на белорусских землях, составляли другую группу населения и продвигали другой национальный проект – белорусский³, а не *тутэйшы*.⁴

Свою позицию А. Першай объясняет тем, что населению Беларуси не интересен национальный белорусский проект:

Можно предположить, что белорусская национально-настроенная интеллигенция придавала и придает больше значения этой форме самоопределения, чем само население Беларуси – носитель этой идентичности⁵.

Это мнение может быть интересно в синхроническом срезе, но если посмотреть в диахронии (в том числе опираясь на литературные источники: *Дудка беларуская* Франтишка Богушевича, *Усебеларускі з'езд 1917-га года* Максима Горецкого и многие другие), то можно увидеть, что вопрос скорее не в том, что проект не интересен жителям территории Беларуси, а в том, что быть белорусом на территории Беларуси во многие исторические периоды – смертельно опасно (так, например, во время репрессий 1930-х гг., когда были убиты многие белорусские писатели, а выжившие были скорее исключением, можно заметить, что стратегией выживания для некоторых не очень известных авторов был переход в творчестве на русский язык и переезд на территорию этнической России).

Опасность быть белорусом признаёт и А. Першай, но переставляет акценты: быть «тутэйшым» для него – это форма сопротивления меняющимся властям и государственным на территории Беларуси, способ выразить свою автономию, способ получить доступ к социальной мобильности (= быть кем-то другим, а не белорусом). Т.е. «тутэйшасць» – первейшая реакция на опасность, без просчитывания следующих шагов, это не столько выбор самих «тутэйшых», сколько вынужденное состояние народа, который живет в угнетении, но А. Першай делает вывод, что «тутэйшасць» как специфический опыт бытования народа «полезен не только для понимания социокультурной

³ В белорусском культурном контексте есть тенденция по-русски писать «беларусский», через *a*, как прилагательное от слова Беларусь (современное название страны), а не Белоруссия (название советских времен), хотя слово в таком написании не зафиксировано словарями. В тексте статьи будет традиционное написание, но в цитатах возможны другие варианты.

⁴ Александр Першай, *op. cit.*, 257-258. Выделение курсивом автора цитаты.

⁵ *Ibidem*, с. 257.

специфики Беларуси, но и позволит пересмотреть некоторые “устоявшиеся” положения теорий национализма»⁶.

«Тутэйшасць» – это состояние народа, который по историческим причинам не имеет своей государственности, а также условий для выражения своей идентичности. Когда А. Першай и некоторые публицисты рассуждают о том, что культура Беларуси представлена белорусским национальным проектом, а не «тутэйшым», то они не учитывают, что «тутэйшыя» – это субстрат для ассимиляции, и их культура, как правило, представлена в иноязычных произведениях. Так, писали по-польски классик всемирной литературы Адам Мицкевич (1798 – 1855), выходец из Новогрудчины, который побывал на территории этнической Польши, когда почти все его лучшие произведения были уже написаны, а свои произведения писал на так называемой «сморгонщине», окраинном говоре польского языка; номинантка на Нобелевскую премию Элиза Ожешко (1841 – 1910), которая всю жизнь прожила в Гродно, и многие другие авторы, чьи произведения с конца 1980-х гг. возвращаются в белорусский литературный процесс (концепция многоязычной белорусской литературы и непрерывности белорусского многоязычного литературного процесса формулировалась в диссертациях Н.В. Хаустовича, Ж.В. Некрашевич-Короткой). Без национального проекта территория становится культурным донором для соседних наций и государств, где национальный проект есть. И даже два главных классика белорусской литературы начинали свой путь «по-тутэйшаму»: Янка Купала (1882 – 1942) начинал писать по-польски, а Якуб Колас (1882 – 1956) – по-русски.

Такие «тутэйшие» авторы, «привитые» к чужой культуре, часто писали о своем специфическом опыте. Например, Адам Мицкевич создал понятие «валленродизм» – когда человек вынужден делать карьеру в стане врага и, достигнув своей цели, разрушает систему изнутри. Это произведение, среди всего прочего, о человеке, который не может быть собой, не может назвать себя и выразить себя на своем языке (может быть, даже потому, что он не знает язык, который должен был быть его родным). Герой не может быть собой, он может быть только Другим. В предложенных обстоятельствах что мог сделать романтический герой? Мицкевич прозорливо назвал предательство оружием невольника. Да ведь и предательств там несколько: все начинается с предательства себя и своей культуры, народа. Даже если

⁶ Александр Першай, *op. cit.*, с. 268.

не было другого выхода, в категоричном романтизме этот отказ от себя может трактоваться как предательство.

Существование понятия «тутэйшасць», «тутэйшы» ограничено во времени моментом отделения себя от других наций, которые имели государственность (конец XIX века), и моментом оформления белорусов как нации в специфических исторических условиях (первая треть XX века).

Бытование в культуре и эволюция (возможно, слово «возрождение» будет даже точнее) термина в позднейшее время (например, в конце 1980-х гг.) – это часть процесса формирования национального самосознания у нового поколения в постсоветское время.

Сегодня слово «тутэйшасць» – историзм, т.е. утрачено явление, которое описывается словом. Потому что после того как начал оформляться белорусский национальный проект, белорус, который отказывается от того, чтобы быть белорусом, это уже скорее манкурт. Хотя ясно, что на долгие годы для белорусов этноним был заменен на политоним «советский человек» или даже «русский человек» во времена СССР и после его распада, как это было ранее для политонима «поляк» (житель Речи Посполитой или ее территории даже после ее разделов).

«Тутэйшасць» в конце XIX века: шаг вперед для национального самосознания

Сознательное или нет, называние себя «тутэйшым» в XIX веке было большим шагом вперед в вопросе национального самосознания. В первую очередь это осознание себя не поляком и не русским, а кем-то отдельным от других наций. В это же время меняется название региона и его жителей: северо-западная часть современной Беларуси в XIX веке называлась Литвой⁷ (сейчас так называется регион (страна), который в то время назывался Жамойтией), а жители из литви-

⁷ Например, именно эту часть современной Беларуси имел в виду Адам Мицкевич в поэме *Пан Тадеуш*, когда писал:

Litwo, Ojczyzno moja! ty jesteś jak zdrowie;
 Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
 Kto cię stracił. Dziś piękność twą w całej ozdobie
 Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie.

(Отчизна милая, Литва! Ты как здоровье,
 Тот дорожит тобою, как собственной кровью,
 Кто потерял тебя. Истерзанный чужбиной,
 Пою и плачу я лишь о тебе единой...

(перевод Сусанны Аксеновой-Мар)

нов («ліцьвіны», «літвіны») превратились в белорусов или белорусцов. Этот вынужденный ребрендинг и утрата части территории (колыбель белорусской культуры город Вильно стал литовским городом Вильнюсом) тоже не содействовали росту национального самосознания среди белорусского населения. Эти народные массы и стали «тутэйшымі», но некоторые исследователи, преувеличивая сознательность этих масс, отметили с сожалением, что «тутэйшыя» не осмыслили сами себя и свою культуру (хотя в рамках концепции, где «тутэйшыя» – это предбелорусы, очевидно, что отрефлексировать себя в таком состоянии проблематично):

Приведенные выше определения тутэйшасці представляют разные дисциплины и разные научные школы, а также интеллектуальную публицистику. Но во всех перечисленных случаях тутэйшыя именуют себя таким образом не сами – это делают за них исследователи или национально-настроенные интеллектуалы. Даже этнографические монографии конца XIX – начала XX вв., в которых местное население якобы говорит само за себя «от первого лица», на самом деле используют «прямую речь» для выработки и закрепления определенного видения социальной стратификации белорусского общества, и используют в этих целях академический дискурс. Тем, кто находит это утверждение противоречивым, можно предложить подумать о том, для кого и в рамках каких институций и проектов писали свои работы, например, Павел Шейн или Яўхим Карский⁸.

Упрек адресован известной цитате из многотомной работы «Белорусы» Евфимия Карского:

В настоящее время простой народ в Белоруссии не знает этого названия [имеется в виду название «белорус». – А.Б.-Ч.]. На вопрос: кто ты? простолюдин отвечает – русский, а если он католик, то называет себя католиком либо поляком; иногда свою родину назовет Литвой, а то и просто скажет, что он «тутэйший» (tutejszy) – здешний, конечно, противопоставляя себя лицу, говорящему по-великорусски, как пришлому в западном крае⁹.

Прямая речь, которая приписывается «тутэйшаму», в некотором смысле вынужденная: нет иной ситуации, где «тутэйшаму» нужно признаваться в своей «тутэйшасці», кроме диалога. Так, можно признать, что о «тутэйшых» говорят другие, но, вероятно, это связано ещё и с тем, что именно другие (например, инациональные власти) сделали большие народные массы «тутэйшыми»; быть «тутэйшым»

⁸ Александр Першай, *op. cit.*, с. 255.

⁹ Евфимий Карский: *Белорусы*. Том 1. *Введение в изучение языка и народной словесности*. Варшава 1903. Т. I, с. 116.

– это не самостоятельный выбор, это реакция на угнетение, на запрет быть собой. А отдельное изучение их в рамках каких бы то ни было институций как раз делало их видимыми.

Для литературы попытка искать «уши» ангажированных институций неактуальна, о «тутэйшых» в художественном произведении одним их первых написал классик белорусской литературы Франтишек Богушевич (1840-1900), татарин по национальности, представитель обедневшей шляхетской семьи. Он был чужим для «тутэйшых» по всем пунктам своей идентичности: он и не белорус, и не крестьянин (а большинство этнических белорусов в конце XIX века жили именно в деревнях). Но именно он смог обратиться к «тутэйшым» и «поднять» их к белорусам.

В текстах Ф. Богушевича термин «тутэйшы» используется как нейтральный. В своем творчестве писатель использовал маску: он писал от имени крестьянина, высказывал взгляды, близкие белорусским крестьянам, даже если они были не близки ему самому или его окружению (белорусоцентричность и хлопоманство Ф. Богушевича воспринимались его семьёй как блажь и позор, дети не отдали его архив исследователям, даже когда стало ясно, что их отец стал классиком, видимо, архив погиб в Варшаве во время Второй мировой войны).

«Тутэйшы» у Ф. Богушевича всегда в оппозиции к другим национальностям (и в бытовом смысле – к представителям другого этноса, и в политическом – к представителям инонациональной власти/религии), которые создают угрозу самому существованию «тутэйшых» (интересно, что никого из героев произведений Ф. Богушевича называние себя «тутэйшым» не спасло от издевательств или смерти). В ксенофобном стихотворении «*Немец*» поэт от имени своей литературной маски Мацея Бурачка писал о том, что панами стали немцы и евреи, но не белорусы, которые стали жить ещё хуже. Завершается стихотворение строкой: «Тутэйшы загіне, дык вораг прыбудзе!»¹⁰.

В стихотворении Ф. Богушевича *Хрэсьбіны Мацюка* (Крещение Матюка) герой представляется «тутэйшым», чтобы избежать взаимодействия с представителями власти:

Калісь, як у нас казакі-то стаялі,
[...] Адзін штось спявае, іншы дзьме на дудца,

¹⁰ Францішак Багушэвіч: *Немец*, https://knihi.com/Francisak_Bahusevic/Niemiec.html. Дата доступа: 04.09.2021. Тут и далее выделения полужирным автором статьи.

А старшы скіпеўся: «Ты што за адзін?»
 Думаю: хто ж я? – ужо ж Юркаў сын!
«Тутэйшы, – кажу я, – свой чалавек:
 Сын бацькі свайго, а бацька дзяцей,
 Тут і радзіўся, тут жыву век;
 Юркам зваць бацьку, я дык Мацей»¹¹.

И герою кажется, что «тутэйшы» – универсальный ответ, чтобы закончить разговор на неприятную тему. Но казаку нужен конкретный ответ:

Ён кіпіць горай, пытаючы, лае,
 Крычыць, і б'ецца, і ў твар штурхае.
«Да хто ты, да хто ты, ці рускі, ці не?»
 Я дай круціцца туды і сюды,
 Думаю: што б тут сказаць яму мне?
 «Я не нашу, – кажу, – барады».
 «Да ты, – ён кажа мне, – веры якой?
Ці ты праслаўны, ці ты – паляк?»
 «А дайце ж, паночку, – кажу, – мне пакой,
Да я ж тутэйшы, я ж казаў так!..»
 [...] О так-то хрысцілі мяне казакі
З тутэйшага ды у палякі!¹²

Очевидно, что, анализируя то, как позиционируется «тутэйшасць» в этом стихотворении, мы имеем дело с художественным текстом, написанным не самим «тутэйшым» (то, что подчеркивал А. Першай, – «тутэйшыя» не говорят о себе, о них говорят другие). Но нужно также учитывать, что популярность Богушевича была феноменальная, и новые поколения писателей, которые хотели такой же известности и читательской любви, понимали, о чем нужно писать, чтобы достичь успеха. То есть в «деревенскоцентричности» белорусской литературы начала XX века можно «винить» Ф. Богушевича.

Популярность Ф. Богушевича может свидетельствовать о том, что его слова нашли отклик в сердцах его целевой аудитории (а писал он для белорусских крестьян, которые и составляли основной пласт «тутэйшых»). То есть, с одной стороны, он – создатель белорусской нации, главный идеолог и демиург (не тот, кто творит из ничего, а тот, кто берет уже существующий материал («тутэйшых») и «лепит» из него белорусов), а с другой стороны, чтобы его услышали, нужно говорить на языке своей аудитории. Поскольку в эстетическом плане

¹¹ Францішак Багушэвіч: *Хрэсьбіны Мацюка*, https://knihi.com/Francisak_Bahusevic/Chresbiny_Maciuka.html. Дата доступа: 04.09.2021.

¹² Ibidem.

аудитория Ф. Богушевича была своеобразна, то совпадение взглядов и мыслей Матея Бурачка со взглядами и мыслями читателей и слушателей должно было быть особенно точным (отсюда, например, ксенофобские стихотворения, которые, возможно, не отражали взгляды самого Ф. Богушевича). Франтишек Богушевич оказался достаточно «своим», чтобы завоевать эту аудиторию и вдохновить ее на признание своей идентичности.

Вероятно, читатели Ф. Богушевича понимали его произведения и соглашались с его попыткой осмыслить их жизнь (они думали, что эти тексты написал такой же человек, как и они), и теперь можно эти тексты считать достаточно авторитетным источником.

В стихотворении *Крещение Матюка* казак хочет знать, кем является Матюк – русским или поляком, православным или католиком (отметим, что другие варианты не предлагаются, а у белорусов было ещё и униатство). Матюк же понимает, что любая конкретика по этим вопросам опасна, особенно если его ответ, например, о вероисповедании может повлечь продолжение этой нежелательной коммуникации. И в результате Матюк проигрывает – его перекрестили. И в этом стихотворении Ф. Богушевич начинает ещё один важный тренд в белорусской литературе конца XIX – начала XX вв.: для того чтобы быть счастливыми, свободными, “людьми зваться” (Янка Купала), вы должны быть белорусами. Переубеждение происходило по одной модели: описание горя и бед крестьян приводило к выводу «Почувствуйте себя белорусами, объединитесь [...] – и будет вам избавление»¹³. Богушевич действовал по этой модели: вот в стихотворениях неудачи героев, когда они позиционируют себя как «тутэйшых», а вот – культовое предисловие к книге *Дудка беларуская*. В нем автор после обоснования своего авторитета развивал две мысли: нас, белорусов, много («нас не горстка, а шесть миллионов»¹⁴), у нас великая история, мы занимаем много места на земле; нужно держаться за свой язык как основу идентичности («не покидайте язык наш беларусский, чтобы не умереть»)¹⁵. Это очевидно контрастирует с «тутэйшым» проектом, как его описы-

¹³ Аксана Бязлепкіна: *Беларуская літаратурная класіка: сінхранічны і дыяхранічны аспект*, в: *Спадчына І.Я. Навуменкі і актуальныя праблемы літаратуразнаўства*, ред. Іван Штэйнер. Гомель, 2014, с. 157.

¹⁴ Францішак Багушэвіч: *Прадмова да “Дудкі беларускай”*, https://knihi.com/Francisak_Bahusevic/Pradmova_da_Dudki_bielaruskaj.html. Дата доступа: 17.09.2021.

¹⁵ Ibidem.

вает А. Першай (язык не имеет значения, жители Беларуси по историческим причинам полилингвальны).

У Ф. Богусевича подчеркивалась активность белорусов в исторических событиях (объединения с другими державами описывались как добровольные, хотя они не всегда такими были), но писателю-идеологу важна не историческая истина, а возможность сломать фатализм белорусских крестьян, возвысить их. Это, кстати, невозможно с «тутэйшымі»: «тутэйшы», который поднял голову и взял ответственность за свою судьбу, сразу становится кем-то другим по национальности. До начала XX века можно было стать поляком или русским, но вот после белорусского Возрождения начала XX века ситуация поменялась: логично было стать белорусом, чтобы не изменять себе, своему языку, своей сущности.

В 1922 году Янка Купала написал пьесу «Тутэйшыя». Главный герой Микита Зносак позиционирует себя «тутэйшым», в отличие от его квартиранта, который позиционирует себя белорусом. Чтобы пережить в Минске несколько оккупаций, герой старается общаться на языке новой власти: по-немецки, по-польски, по-русски.

«Тутэйшы» Я. Купалы отличается от «тутэйшага» Ф. Богусевича: в конце XIX века для белоруса признать себя «тутэйшым» – это приемлемо. Герои произведений, как, возможно, и реальные люди тех времен, уже не присоединяются к другой национальности, а своей государственности ещё нет. В 1922 году, когда Я. Купала писал пьесу, уже пережита (пусть и неудачная) попытка создания своей государственности, уже активно идут процессы нациотворения. Назваться «тутэйшым» в начале XX века – это сознательно отказаться от возможности быть белорусом.

И граница между двумя такими разными оценками «тутэйшасці» пролегает именно в конце 1910-х гг. (в 1918 году основали Белорусскую народную республику). Потому что по текстам мы видим, что ещё в 1913 году Я. Купала, как и Ф. Богусевич до него, отмечал, когда белорусы хотя бы отделяли себя от других наций:

Я не чыноўнік і не граф, не князь,
Таксама — я не турак і не грэк,
І нават не паляк і не маскаль,
А проста я тутэйшы чалавек!¹⁶

¹⁶ Янка Купала: *Тутэйшы*, https://knihi.com/Janka_Kupala/Tutejsy.html. Дата доступа: 17.09.2021.

Но уже тогда, в 1913 году, Купала видел в «тутэйшасці» политическую и социальную недоразвитость, которая ведет к нереализованности человека, то есть высокие и, казалось бы, абстрактные вопросы национальной осознанности поэт напрямую связывал с качеством жизни конкретного человека:

А як завуць **край** гэты родны мой —
 Забыўся ўжо праз свой **прыгон і здзек**;
 Мабыць, **забраны, ці тутэйшы** ён,
 Я ж сын яго — **тутэйшы чалавек!**

Вось так **не то жыву і не жыву**,
 Сваім, што бачу, не веру вачам,
 Што чую — не бяру у галаву,
 І што я знаю — ўжо не знаю сам.

Спаўняючы, што трэба, а што не,
Сяк-так мой цягнецца на свеце век,
 А як памру, то буду спаць, як пан,
 І сніць, што я тутэйшы чалавек!¹⁷

Таким образом, если белорус не становится белорусом, а остается «тутэйшым», то человеком он себя почувствует только после смерти. Но даже после нее белорусу не хватит смелости и самостоятельности объявить себя белорусом, – сокрушался поэт.

Главное, в чем были единодушны белорусские классики, – это в том, что попытка спрятаться и отказ от своей национальности не спасут от насилия. И у Богушевича, и у Я. Купалы «тутэйшыя» герои не живут свою жизнь, становятся жертвами.

«Тутэйшы» ведь отказывается от борьбы даже за свою сущность, он готов мимикрировать под каждую новую власть, как это показал Янка Купала в пьесе. «Тутэйшы» не соперник и не опора. Поэтому странно читать в статье А. Першая, что параллельно с белорусским национальным проектом мог бы быть «тутэйшы». «Тутэйшы» не создаст собственный проект, так как его цель (если бы у него была цель) – не быть выраженным, не репрезентировать себя, а приспособиться под новые условия, под чужую культуру и язык. В публичной сфере его влияние можно игнорировать, так как оно стремится к нулю. В этом плане «тутэйшасць» похожа не на национальность, а на локальный патриотизм, например, Средневековья, когда важно не кто ты, а чей ты подданный.

¹⁷ Ibidem.

Другими «тутэйшыя» тоже воспринимались как переходный этап развития неопределенной народной массы, а вот переходный к чему – тут мнения отличались. Вот как это подчеркнул Янка Купала в своей пьесе *Тутэйшыя*:

ЗАХОДНІ ВУЧОНЫ . Паньске імен і назвіско?
 ЯНКА . Янка Здольнік, пане вучоны.
 ЗАХОДНІ ВУЧОНЫ (*запісваючы у нататкі, голасна*). Януш Здольніцкі. Незаводне тып Выходне-Крэсавэго поляка з немалон дозон крві познаньско-гуральскай. Людносьць абэцне розкшэвля сень на две галэнзі родоў: племен бялорусінув і племен тэж-бялорусінув з походзэня рэнэгатув і дэгэнэратув. Мова ойчыста – огульнопольска, незвычайнае удосконалена, ено з велькон домешкон незрозумялых слув.
 УСХОДНІ ВУЧОНЫ (*таксама запісваючы ўперамежку з Заходнім вучоным*). Іоан Здольніков. Ісціно-рускій ціп Северо-Западной Обласці і безусловно з прымесью монгольско-фінскай крві. Народносьць ныне распадаецца на две родовыя ветві: племя – белорусы і племя – белорусы, ісходзяшчэе от рэнэгатов і дзегенэратов. Родной язык – обшчэрускій, веліколепно усовершэнствованный, но с большой прымесью непонятных слов¹⁸.

Сами белорусы, представители национального проекта, точно отрефлексировали состояние своего народа и нашли одну единственную, но неустранимую причину «тутэйшасці». Так, Игнат Абдиралович (1898-1923) в эссе «*Адвечным шляхам*» («*Извечным путём*», 1921), хронологически первом эссе на белорусском языке, написал:

Ў апошнія гады беларусы практычна пазнаёміліся амаль што з усімі кірункамі палітычнай думкі, і хто-б да нас ні прыходзіў, ніхто не папытаў наш працоўны, сялянскі народ, ці таго ён хоча; ніхто не зацікавіўся, а як жа ён надумаў пабудаваць сваё жыццё. Навет магчыма-сьці голасна гаварыць, ці тарнуецца тое, што нам прапануюць няпрощаныя госьці, ня было дано беларускаму народу. Лёзунгі захацелі жыць і даводзілі сваю жыццёвасьць сілай пагрозы расстрэлу, катаваньнем гумовай палкай, зьдзекам над кожнай праявай сьвядомых адносін да свайго зьместу. Толькі засьценкі Ўсходу і Захаду могуць пасьведчыць, колькі чалавечых ахвяр прынясла Беларусь за самае маленькае імкненьне быць сама сабой. Трудна ў такіх абставінах казаць аб соцыяльнай творчасьці, калі да нас прыходзілі з гатовымі формуламі і прымушалі супакоіцца на такім пракруставым ложы. Казаць аб соцыяльнай творчасьці ў нашым становішчы, гэта - казаць няпрыстойныя анекдоты ў доме мерцвяка.

А жыццё цячэ. Можна з пеўнасьцю сьцьвердзіць, што ўжо ўсё тое, з чым прышлі да народу нечаканыя апякуны, ўсё гэта ўжо спаракнела

¹⁸ Янка Купала: *Тутэйшыя*, https://knihi.com/Janka_Kupala/Tutejsyja.html. Дата доступу: 22.10.2021.

і зусім нягожа да жывога. Бо галоўнай умовы грамадзянскага жыцця - магчымасці тварыць - мы ня маем.

Перажытае і тыя акалічнасці, якія мы наглядаем навакол сябе, кажуць нам, што *запеўніць магчымасць грамадзянскай творчасці мы можам толькі ў разе адсутнасці перш-на-перш чужынскага прымусу*¹⁹. (Курсив И. Абдираловича).

И если А. Першай говорил о том, что «опыт *тутэйшасці* [...] позволит пересмотреть некоторые “устоявшиеся” положения теорий национализма», то Игнат Абдиралович дал ответ, как из любого народа сделать «тутэйшых»: не давать народу возможности к развитию и социальному творчеству, заставляя жить по чужой указке, под иностранным принуждением.

В литературе первой трети XX века читатель сталкивался уже с последствиями «тутэйшасці» как проблемы отсутствия собственной государственности, например, это ярко показано в рассказе Максима Горьцкого *Русский (Рускі)*. Во время Первой мировой войны белорус, солдат войска Российской империи, вышел помародерствовать и встретил украинца, представителя армии Австрии (в произведении он называется австрияком и говорит по-украински), убил его и сошел с ума, начав беспрестанно кричать “Я – русский”. В поле встретились

¹⁹ Игнат Абдзіраловіч (Канчэўскі): *Адвечным шляхам*, https://knihi.com/Ignat_Kanceuski/Adviecznym_slacham.html. Дата доступа: 19.08.2021.

В последние годы белорусы практически познакомились почти со всеми направлениями политической мысли, и кто бы к нам ни приходил, никто не спросил наш рабочий, крестьянский народ, того ли он хочет; никто не интересовался, а как же он надумал строить свою жизнь. Даже возможности громко говорить, подходит ли то, что нам предлагают непрошеные гости, не было дано белорусскому народу. Лозунги захотели жить и доказывали свою жизненность силой угрозы расстрела, пытками резиновой палкой, издевательством над каждым проявлением сознательных отношений к своему содержанию. Только застенки Востока и Запада могут засвидетельствовать, сколько человеческих жертв принесла Беларусь за самое маленькое стремление быть сама собой. Трудно в таких обстоятельствах говорить о социальном творчестве, когда к нам приходили с готовыми формулами и заставляли успокоиться на этом прокрустовом ложе. Говорить о социальном творчестве в нашем положении, это – рассказывать неприличные анекдоты в доме покойника.

А жизнь течет. Можно с уверенностью утверждать, что уже все то, с чем пришли к народу неожиданные опекуны, всё это уже истлело и совсем не подходит живому. Потому что главного условия гражданской жизни – возможности творить – у нас нет.

Пережитое и те обстоятельства, которые мы наблюдаем вокруг себя, говорят нам, что *удовлетворить возможность гражданского творчества мы можем только в случае отсутствия прежде всего иностранного принуждения*. (Перевод автора статьи).

два человека, которые сражались, убивали и умирали за интересы инациональных держав. И это случилось с ними, потому что у их народов не было своих национальных государств.

«Тутэйшасць» в конце XX века: наследие ассимиляции

Пьеса Янки Купалы *Тутэйшыя* и эссе Игната Абдираловича *Адвечным шляхам* были недоступны советскому читателю до конца 1980-х годов. Тексты Максима Горьцкого вернулись в литературный процесс в 1960-е годы (большинство, но не все: в собрании сочинений нет, например, рассказов *Усебеларускі з'езд 1917-га года* и *У 1920 годзе*).

В советское время слово «тутэйшы» вернулось к бытовому значению «местный», а слово «тутэйшасць» «Корпус беларускай літаратурнай мовы»²⁰ пока не фиксирует в литературных произведениях (возможно, обработаны не все тексты).

В конце 1980-х гг. (1986-1987) на волне очередного белорусского Возрождения молодые белорусскоязычные писатели создали литературное объединение «Тутэйшыя». Название было очевидно вдохновлено пьесой Купалы, которая была прочитана накануне. Сами «тутэйшевыцы» многократно пытались объяснить выбор названия, так как не все хотели называться «тутэйшымі». Варианты обсуждения (или оправдания) уже принятого названия собраны в моей диссертации:

На заседании 15 мая 1988 года Я. Янушкевич афористично заметил, что «белорусами не рождаются». Особенный момент развития-становления отметил и С. Дубовец в своем объяснении названия: «Потому как что такое тутэйшы? Это – эмбрион белоруса. Человек ещё не национальный, не «подключенный» к национальной культурной традиции, а тем более – к культурной традиции всего мира, ещё не сознательный, не одухотворенный... И вот происходит что-то похожее на электрический разряд: тутэйшы превращается в белоруса. Это как второе рождение, как озарение, когда мясник или даже бюрократ вдруг чувствует себя поэтом».

Таким образом, все объяснения можно условно поделить на две по сути противоположные группы: мы тутэйшыя, так как 1) мы не знаем свою культуру, но стремимся к ней, 2) мы – знаем свою культуру, но назвались тутэйшыми, имеют ли тогда право менее сознательные называться белорусами.

К названию Общества некоторые представители общественности отнеслись подозрительно. «Товарищ общественность, будь бди-

²⁰ <https://bnkorus.info/korpus.html>. Дата доступа: 21.09.2021.

тельна, в этом названии негативный смысл» (так оповестили две республиканские газеты). На «Гарбатні» в «ЛіМе» в 1998 году А. Глобус отметил, что он был категорически против названия «Тутэйшыя», и свою позицию объяснил позже в интервью таким образом: «Почему я был против названия *Тутэйшыя*? Потому что я не Микита Зносак! <...> Я очень люблю это произведение Янки Купалы, оно гениальное... но я белорус, а не тутэйшы». В анкете «Маладосці», на которую отвечали только члены Общества, В. Сивчиков отметил, что не согласен с названием Общества, хоть оно и прижилось.

Сейчас можно утверждать, что название Общества независимо от смыслов, аллюзий и объяснений оказалось «удачным брендом литературного поколения» (С. Дубовец), так как распространилось не только на участников Общества, но и на их современников в литературе²¹.

Литературовед И. Шевлякова-Борзенко, исследуя концепт «тутэйшасці», посчитала, что одновременно с возрождением этого понятия произошла и его трансформация:

[...] наиболее сложными для интерпретации [...] в новейшей белорусской литературе являются концепты историко-культурные, потому что здесь уникальное перевешивает стандартизованное. Пожалуй, самый яркий аргумент в пользу этого – концепт «тутэйшасць». Источник этого концепта, который со второй половины 1980-х стал предметом литературного и общественного обсуждения, связан с пьесой Янки Купалы *Тутэйшыя* (1922). В границах последних тридцати лет наблюдается превращение индивидуально-творческого концепта «тутэйшы(я)» в историко-культурный концепт «тутэйшасць» [...] ²².

Тут, возможно, исследовательница слишком строга: похоже, концепт «тутэйшы(я)» практически сразу стал концептом историко-культурным. В сознании околокультурной общественности слово действительно связано в первую очередь с пьесой Янки Купалы, но, как видим, уже раньше оно употреблялось в литературе в том же идеологическом, небытовом значении, вероятно, с поправкой на исторические события. Возможно, понятие «тутэйшы» было настолько обыденно, что именно эти писатели и вывели его в историко-культурные концепты.

²¹ Оксана Бязлепкіна: *Ідэйна-мастацкая пераемнасць у беларускім літаратурным працэсе канца ХХ ст.* (диссертация). Минск 2006.

²² Ірына Шаўлякова-Барзенка: *Канцэптавая тапаграфія найноўшай беларускай літаратуры*, в: «*Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*» 2017 №1 (100), с.153.

Белорусский проект или «тутэйшы»?

А. Першай отметил, что «национально-ориентированные элиты, которые также боролись за культурное доминирование на белорусских землях, составляли другую группу населения и продвигали другой национальный проект – белорусский, а не тутэйшы». ²³ [...] Исключенные из политической жизни и отодвинутые на периферию белорусского общества, тем не менее, тутэйшыя оказались в состоянии противостоять навязыванию различных «национальных» идентичностей. Вместо этого тутэйшыя «уходили» от четких социальных категорий и предпочитали жить «вне» предписываемых им языков, политических режимов и религиозных конфессий. ²⁴

Но, возможно, исследователь, как и многие другие до него, приписывает «тутэйшым» то, чего на самом деле не было, а не было сознательного выбора по многим вопросам, было же приспособление к ситуации, которое помогало выживать физически, но не культурно (тут важно опять вспомнить позицию классиков: «тутэйшасць» не спасет вас, чтобы быть – нужно быть белорусом). Можно заметить, что возвращение к вопросу о «тутэйшасці» осуществляется во время Возрождения 1990-х гг. А что до него? Точнее, между. Между «тутэйшымі» рубежа XIX-XX вв. и «тутэйшымі» конца XX в.? Между ними были «советские люди», достаточно безопасная самоидентификация.

Советскость идеально сочеталась с «тутэйшасцю» по вынужденному отказу от своей национальной и культурной самоидентификации: государственная политика интернационализма оставляла значительные следы. Напомню, что глава СССР Никита Хрущев в свое время сказал, что белорусы станут первыми, кто «построит коммунизм», так как они почти отказались от своего родного языка в пользу русского. Конечно, он не употреблял термин «тутэйшыя», но, вероятно, речь о них. Представители белорусского национального проекта были уничтожены в репрессиях 1930-х гг., а их произведения тоже были изъяты из процессов преемственности (сожжены или запрещены). Этнически жители БССР тоже были неоднородны, что соответствовало государственной политике (жители других республик приезжали в БССР восстанавливать ее после войны; обязательный

²³ Тут нужно уточнить, что проектов было несколько, например, «крывіцкі праект» Вацлава Ластовского, «вялікалітоўскі праект» Язэпа Лёсика и Яна Станкевича, и другие.

²⁴ Александр Першай, *op. cit.*, 257-258, 260.

призыв в армию, распределение на первые рабочие места после учёбы в университетах тоже были направлены на перемешивание народов).

И именно в советское время был задан тренд на разделение национального и советского, которое часто отождествлялось с русским. Белорусская литература в советской и позже белорусской школе – это литература на белорусском языке (только в 1980-х начнется возвращение к концепции многоязычной литературы). Русскоязычные писатели БССР – это советская литература. И две эти литературы развивались раздельно: например, существовала целая плеяда белорусских русскоязычных фантастов, а в это время в белорусскоязычной литературе почти не было фантастики.

И когда А. Першай и многие процитированные им авторы сожалели о том, что «тутэйшыя» не говорили о себе, так как всегда кто-то говорил о них, так как им не давали слова, вероятно, дело в том, что когда «тутэйшыя» говорили и писали на другом, не белорусском, языке, то в случае удачи их творчество часто приписывалось к успехам той нации, на чьем языке они писали. Тут можно вспомнить Нобелевскую лауреатку Светлану Алексиевич, которая ещё до такого мирового признания называла себя советской писательницей, а многие российские сайты после ее победы сразу записали ее в круг своей российской культуры. Например, «Нобелевская премия Светланы Алексиевич – несомненная победа всей русской культуры»²⁵ или «Почти 30 лет русская литература не знала столь громкого мирового признания»²⁶.

Для людей, далёких от понимания специфики белорусского (да и любого другого постсоветского) литературного процесса, недоступны аргументы сложнее словосочетания «язык творчества». Белорусские исследователи, например, профессор Л.Д. Синькова, выводят творчество Алексиевич также и из традиций белорусской литературы:

Несмотря на определенную внешнюю, формальную дистанцированность от белорусского, книги С. Алексиевич по своей сущности наярчайше представляют как раз не только русскую и мировую, но и белорусскую традицию. Даже потому уже только, что своим Наставником (с большой буквы) спадарыня Светлана всегда называет Алеся Адамовича...²⁷. [...] Чтобы сказать правду – [...] ту правду, которую

²⁵ <https://www.forbes.ru/forbes-woman/karera/302529-urok-chteniya-kto-takaya-pisatel'nitsa-svetlana-aleksievich>. Дата доступа: 01.11.2021.

²⁶ <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2015/10/08/612083-aleksievich-nobelevskoi-premii>. Дата доступа: 01.11.2021

²⁷ Людміла Сінькова: *Беларуская традыцыя ў творчасці С. Алексіевіч*, в: *Беларуская «звышлітаратура»*. Мінск 2019, с. 28, 30.

подсоветскому человеку говорить не разрешали, **нарратор радикально отступает в тень факта, документа** (выделение Л. Синьковой).

Л.Д. Синькова подчеркнула, что «в своей системности это именно белорусское изобретение»²⁸, традиция которого выводится ещё из творчества репрессированного в 1930-х Максима Горьцкого (1893-1938), который одним из первых белорусских писателей написал non-fiction о Первой мировой войне (художественные тексты о войне он написать успел, а дальше понимал, что дописать не дадут, и «сначала вынужденно, а потом сознательно перешел от работы над художественным словом к самодостаточному отбору и фиксации голых “говорящих” фактов»²⁹).

Но копаться в генеалогии жанра полифонического романа С. Алексиевич, анализировать темы её творчества, отмечать белорусскую «зацятасць» в однообразии идей – судьба литературоведов. Остальные будут поверхностно судить по языку. То есть «тутэйшы проект», который отстаивает русскоязычный белорусский исследователь А. Першай, – это не шаг вперёд, не проявление космополитизма, а возвращение в XVIII-XIX века, когда нации ещё не были сформированы, когда политоним и этноним могли значительно отличаться, когда, не имея возможности реализовываться в культуре своего народа, наиболее талантливые люди прославляли культуры титульных наций. Но в XX веке в этом нет необходимости, можно реализовываться в своей белорусской культуре. Другое дело, что для многих советских людей (опять политоним!) национальный вопрос решился в соответствии с линией партии.

Те писатели, кто видел своей целью романтический подъем читателей, часто обращались к теме восстания 1863-1864 гг. (В. Короткевич (1930-1984), Л. Рублевская (род. 1965)). Они продолжали линию, начатую классиками: нужно стать белорусами, почувствовать себя белорусами. Но именно представитель поколения «Тутэйшых» создал произведение, где это восстание, важное для белорусов событие, впервые в белорусской литературе показано в негативном ключе – Алесь Наварич *Литовский волк* (2003): откажитесь от борьбы за то, чтобы быть белорусами.

²⁸ Ibidem, с. 30.

²⁹ Ibidem, с. 30.

– Дык за чью вольнасць мы станем... ваяваць? Дазвольце ўдакладніць, – раптам спытаўся пан Ежы.

– За нашу. За вольнасць Беларусі!

– Беларусі? Якой яшчэ такой Беларусі! – зашыпеў пан аканом і ўжо ў сваю чаргу вытрашчыў вочы на Артура.

[...] Пан Ежы паціраў рукі – эканомія квітнела. З інсурэкцыяй таксама выйшла гладка. Напачатку пабыў сярод завадатараў, потым – адышоў, адстаў, заняў месца нейтральнай апазіцыі. Дзякуй спраўніку, не выдаў. Цяпер галоўнае – быць заадно з уладай. Надышоў час праявіць сябе. З Аксанай таксама няма асаблівых клопатаў – штодня пераконваў, што лепей, зручней, выгадней жыць ціха-мірна, бо глядзі сама, як усё абярнулася з гэтым паўстаннем. Нічога, акрамя крыві, Сібіры, разарэння цэлых родаў. Хочучь палякі – няхай бунтуюцца³⁰.

Произведение получило и официальное признание (в 2003 году роман получил президентскую премию), и признание негосударственных критиков и СМИ. Так, в одном из номеров журнала «ARCHE» три критика препарировали роман с разных сторон и пришли к неутешительному выводу: *Литовский волк* – в значительной степени анти-Короткевич³¹ (А. Мусорин)³²;

Мы стали свидетелями того, как приобретает реальные очертания «эдипов бунт» автора, который восстает против своего литературного «отца» Владимира Короткевича [...] результатом может быть интеллектуальный и творческий упадок, духовно-моральное опустошение, отсутствие позитивных идей (М. Тычина)³³.

Приоритеты Наварича-современника (прошу – никаких параллелей) концентрируются вокруг идей “нераскачивания лодки”, сотрудничества с реальной силой, отрицательного отношения к неформальной политической активности [...] Чувствуется заданность основной

³⁰ Алесь Наварыч: *Літоўскі воўк*, https://knihi.com/Ales_Navaryc/Litovskiy_vouk.html. Дата доступа: 01.11.2021.

– Так за чью свободу мы станем... воевать? Позвольте уточнить, – вдруг спросил пан Ежы.

– За нашу. За свободу Беларусі!

– Беларусі? Какой ещё Беларусі? – зашипел пан экономай и уже в свою очередь вытарашил глаза на Артура.

[...] Пан Ежы потирал руки – эканомія цвела. С інсурэкцыяй тожы вышло гладка. Сначала побыл среди зачинщиков, потом – отошел, отстал, занял место нейтральной позиции. Спасибо исправнику, не выдал. Теперь главное – быть заодно с властью. Пришло время проявить себя. С Оксаной тожы нет особенных хлопот – ежедневно убеждал, что лучше, удобнее, выгоднее жить тихо-мирно, потому что смотри сама, как все обернулось с этим восстанием. Ничего, кроме крови, Сибири, разорения целых родов. Хотят поляки – пусть бунтуют..

³¹ Владимир Короткевич (1935-1984) - культовый в Беларусі писатель-романтик, автор исторических романов.

³² Аляксей Мусорин: *Пінская шляхта-2*, “ARCHE” 2006 №5, с. 31.

³³ Міхась Тычына: *Прачнунца знакамітым*, “ARCHE” 2006 №5, с.28.

мысли: не доросли мы до восстания. Очевидно отсутствие поиска, как дорасти. [...] Роман никуда не зовет белорусов, более того – ставит крест на каждом зародыше надежды. Он предлагает забыть великое прошлое (потому что его не было), тихо жить как набежит (потому что будущее тоже лишено величия) и не мечтать о чем-то большем, потому что в мечтах только пустота и искушение (Д. Жуковский)³⁴.

И хотя все современники видели очевидную связь произведения А. Наварича с творчеством В. Короткевича, при фокусе на проблеме «тутэйшасці» видна связь и с классиками конца XIX – начала XX веков. Классики доказывали, что попытка спастись через «тутэйшасць» – лишь на первый взгляд действенна, а на самом деле спасет лишь приход к национальному самосознанию, к белорусскому проекту, если уж говорить в терминах современных исследователей. И именно представитель самого белорусоцентричного литературного поколения – поколения «Тутэйшых» предложил произведение с противоположной позицией: не нужно бороться за себя и за своё. Но стоит признать, что это непопулярное мнение, Короткевич и его идеи по-прежнему белорусизируют наибольшее количество молодых людей (потому что в Беларуси «каждое следующее поколение [...] начинает сначала»³⁵, с нуля знакомство с культурными смыслами своей нации).

Товарищ А. Наварича по литературному обществу «Тутэйшыя» известный писатель Андрей Федоренко (род. 1964) в романе «Нічыя» («Ничьи», 2009) тоже обращался к теме национального самоопределения, но уже на примере событий Слуцкого восстания (1920 год). Вот как об этом писала Л.Д. Синькова:

Финал духовных поисков главного героя повести *Ничьи* звучит как апофеоз инфантилизма, а, значит, и сервиллизма: «Да провалитесь вы все: и русские с белорусскими, и белые с красными... Но раз уже выбор [...] – тогда на стороне сильнейших! Чтобы быстрее закончилось все это. Чтобы хоть кто победил наконец. И наплевать кто: немцы или поляки, русские или белорусы. Главное, будет тихо». А. Федоренко пишет очень искренне, и эта самая искренность вынуждает его тут же добавить, что тихо уже не будет никогда: «Пока не сожрут друг друга, как щуки, – большие маленьких, а самый большой – последнего, до тех пор и сами не успокоятся и тебя из-под земли достанут!»

³⁴ Данила Жукоўскі: *Апокрыф знявераных*, "ARCHE" 2006 № 5, с. 23, 24, 25.

³⁵ Katarzyna Waszczyńska: *Tożsamość narodowa białorusinów w kontekście białoruskiego systemu wartości*, в: *Літаратуразнаўства.Этналогія*, ред. Ірына Багдановіч, Тацяна Валодзіна. Мінск 2010, с. 197.

Как ни хочется пареньку оставаться маленьким, ничьим, найти защиту – сильнейшего, – жизнь не дает.³⁶

Когда современные авторы пишут о XIX – первой трети XX вв., упоминание о «тутэйшых» правомерно, это те самые «тутэйшыя» Богусевича и Купалы, белорусы без национального самосознания, но ещё носители белорусской культуры, хотя бы народной.

Когда авторы обращаются к событиям другого времени, сохраняя оппозицию «сознательные белорусы / другие», то эти другие уже не те «тутэйшыя», хотя на первый взгляд кажется, что разделение так же проходит по границе национальной сознательности.

Например, Янка Сипаков (1936-2011) в притче *Тыя, што ідуць* (*Те, что идут*, 1993) показывал «белорусское» сообщество как достаточно герметичное и возвышенное (герои слепые, глухие и немые именно для того, чтобы ограничить свои контакты, возможно, для того, чтобы не видеть реальности), а вот главный герой до встречи с Теми, кто идет, жил жизнью обывателя, который после судьбоносной встречи не может вернуться к прежнему существованию:

Божа мой, якія дробязі тут усур'ёз хвалююць людзей: «прывезлі гною», «стапталі граду», «прайгралі футбалісты»... Ну добра, выйграюць гэтыя няшчасныя футбалісты. А далей што?

Там, у грамадзе, ён адчуваў дарогу і вялікую ідэю, вялікую прагу велічы і жыцця. Хоць ён і не разумеў пакуль што гэтай ідэі, але здагадваўся, што яна праўдзівая і мудрая.

Ён абавязкова павінен яе зразумець!

[...] І яшчэ ён міжволі адчуваў, што там неўзабаве яму давераць нешта вельмі важнае і сур'ёзнае – магчыма, нават у бліжэйшую сяўбу яго зробяць Галоўным Сейбітам.

Зараз Падарожніку здавалася, што ён абраны, нават асуджаны кімсьці на гэты рух і на гэтую вандроўку³⁷.

³⁶ Людміла Сінькова: *Мець уласны погляд на сваю гісторыю (Проза пра Слуцкі збройны чын)*, в: *Беларуская «звышлітаратура»*. Мінск 2019, с. 92.

³⁷ Янка Сипакоў: *Тыя, што ідуць*, https://knihi.com/Janka_Sipakou/Tyja_sto_iduc.html. Дата доступа: 10.11.2021.

Боже мой, какие мелочи тут всерьёз волнуют людей: «привезти навоз», «потоптали грядки», «проиграли футболисты»... Ну хорошо, выиграют эти несчастные футболисты. А дальше что?

Там, в общине, он чувствовал дорогу и великую идею, великую жажду величия и жизни. Хотя он и не понимал пока что этой идеи, но догадывался, что она правдивая и мудрая.

Он обязательно должен ее понять!

[...] И ещё он невольно чувствовал, что там вскоре ему доверят что-то очень важное и серьезное – возможно, даже в ближайший сев его сделают Главным Сеятелем.

Традиционная трактовка «тутэйшага» как недобелоруса тут усложняется. Во времена Купалы тутэйшы и был по существу белорусом, не хватало только смелости себя им назвать. Потомки тех «тутэйшых» через много десятилетий ассимиляции уже не могут так просто стать белорусами, уже утрачены культура, язык, традиции. И чтобы стать белорусом, по версии писателей филологического поколения, которое пришло в литературу в 1950-1960-х гг., нужно научиться им стать, нужно измениться, дорасти до более осознанного не существования, а служения.

Младшее поколение писателей к такой идеализации «белорусов» относится с некоторой иронией, но не меняется отношение к манкуртам. В рассказе Ольгерда Бахаревича (род. 1975) *Белорусы на кристальных шарах* (Белорусы на хрустальных шарах, 2002) общество тоже разделено: на публику и «белорусов», которые выступают перед ней с цирковым номером. И вот тут главное отличие трактовки сознательных белорусов молодым поколением авторов: «белорус» – это работа, это публичное, это то, что вызывает восторг, но далеко от обыденной жизни, которой и живут обыватели:

Як іншаплянэтнікі, беларусы йшлі па рассыпчатай серабрыстай дарозе, якая знікала ў космасе. Нібы вельмі багаты дзядзька набывў Млечны шлях і выпусціў на яго гэтых сумуючых па волі зьяваркоў. Іх грацыёзнасьць зачароўвала. Было жудаснае і невыразнае адчуваньне, што зараз увесь Сусьвет упадзе на галаву. “Гэта ж трэба так выдрэсыраваць,” – гучна сказаў нехта за сьпінай хлопчыка. У поўнай цішыні беларусы рухаліся, як міражы, у паветры, то знікаючы, то зьяўляючыся зноў. Нейкая дзяўчынка ўскрыкнула ад захапленьня. Сьвятло мякка ападала на сьцены цырку, расступалася перад яркай дарогай, якая вяла ў нязьведаныя касьмічныя далечы. Беларусы йшлі, павольна круцячы лапамі зьяючыя шары, але ў гэтым не адчувалася аніякага прымусу. І на самым грэбні хвалі захапленьня, якая захінула цырк, нечакана і ў той жа час вельмі дарэчы загучала ціхая музыка. Такой хлопчык ня чуў яшчэ ніколі. [...] Як гэта было казачна! Музыка абарвалася, беларусы замерлі й вельмі лёгка, як пухіры, апусьціліся на арэну. Запалілі сьвятло, выйшаў дзядзька ў чорным і павёў беларусаў за кулісы, груба торгаючы за павадкі. Заля выбухнула аплядысмантамі. Кагосьці апырсквалі джын-тонікам, вяртаючы ў прытомнасьць. Хлопчык, карыстаючыся тым, што маці й бацька ўсё яшчэ глядзелі ўніз, ціхенька споўз са свайго крэсла й пабег – паміж ног-ног – туды, дзе яшчэ калыхалася заслона. Ён па-майстэрску праскочыў міма чалавека ў аранжавым галыштуку й хутка дагнаў дзядзьку ў чорным, які вёў беларусаў да клетак. Беларусы былі ўсе мокрыя й зблізку не такія прыгожыя, але нічога, такая ў іх праца.

Сейчас Страннику казалось, что он избран, даже обречен кем-то на это движение и на это путешествие.³⁷ (Перевод автора статьи).

Хлопчык падыйшоў да іх. “Можна паглядзіць?” – запытаў ён, дрыжучы ад нецярпеньня. “Ты як сюды прапоўз?” – вохнуў дзядзька. Але насамрэч ён быў добрым і чутым чалавекам, які любіў ня толькі жывёлаў, але й дзяцей. Хлопчыку нават дазволілі пакарміць беларусаў праз клетку³⁸

И если у И. Абдираловича речь идет о том, что белорусам не дают стать белорусами, что люди на этой территории притесняются, то у О. Бахаревича «тутэйшая» публика – это обыватели, а белорусы на хрустальных шарах – это белорусы в резервации, в неволе, их количество должно быть оптимальным, таким, сколько может выдержать система. Их не должно быть больше позволенного, но и меньше быть не должно (такое описание скорее похоже на то, как национальные культуры поддерживались в Советском Союзе).

Таким образом, в белорусскоязычных текстах белорусской литературы конца XIX – начала XX вв. понятие «тутэйшасць» рассматривалось как переходный этап к белорусскости (а в реальности это мог быть переход к польскости или русскости). После десятилетий формирования на территории Беларуси советского человека белорусская культура вернулась к понятию «тутэйшасць» только в конце

³⁸ Альгерд Бахарэвіч: *Беларусы на крышталных шарах*, <https://litradio.by/fanateka/baharevich/384-belarusy-na-kryshhtalnih-sharax.html>. Дата доступа: 11.11.2021.

Как инопланетяне, белорусы шли по рассыпчатой серебристой дороге, которая исчезала в космосе. Как будто очень богатый дядюшка приобрел Млечный путь и выпустил на него этих скучающих по воле зверьков. Их грациозность завораживала. Было ужасное и невыразимое ощущение, что сейчас вся Вселенная упадет на голову. «Это же надо так выдрессировать,» – громко сказал кто-то за спиной мальчика. В полной тишине белорусы двигались, как миражи, в воздухе, то исчезая, то появляясь вновь. Какая-то девочка вскрикнула от восхищения. Свет мягко падал на стены цирка, расступался перед яркой дорогой, которая вела в неизведанные космические дали. Белорусы шли, медленно крутя лапами сверкающие шары, но в этом не чувствовалась никакого принуждения. [...] Как это было сказочно! Музыка оборвалась, белорусы замерли и очень легко, как пузыри, опустились на арену. Зажгли свет, вышел дядька в черном и увел белорусов за кулисы, грубо дергая за поводки. Зал взорвался аплодисментами. [...] Мальчик, пользуясь тем, что мать и отец все ещё глядели вниз, тихонько сполз со своего кресла и побежал [...] туда, где ещё колыхалась кулиса. Он мастерски проскочил мимо человека в оранжевом галстуке и быстро догнал дядьку в черном, который вел белорусов к клеткам. Белорусы были мокрые и вблизи не такие красивые, но ничего, такая у них работа. Мальчик подошел к ним. «Можно погладить?» – спросил он, дрожа от нетерпения. «Ты как сюда прополз?» – охнул дядька. Но на самом деле он был добрым и отзывчивым человеком, который любил не только животных, но и детей. Мальчику даже дали покормить белорусов через клетку. (Перевод автора статьи).

1980-х гг. вместе с возвращением в круг чтения ранее запрещенной пьесы Янки Купалы *Тутэйшыя*. Возможно, появление литературного объединения «Тутэйшыя» несколько повлияло на то, что само слово «тутэйшасць» в художественной литературе чаще соотносится с XIX веком («тутэйшаўцы» конца XX века были сознательными приверженцами белорусской культуры и белорусского языка). В литературе начала XXI века «тутэйшыя» – это, как правило, люди, жившие на территории Беларуси в XIX – начале XX веков (произведения А. Федоренко, А. Наварича); герои-современники – уже не «тутэйшыя», которые всё-таки были носителями белорусской культуры, а их ассимилированные потомки, которым при желании стать сознательными белорусами нужно приложить намного больше усилий, но обыватели по одному (в качестве «избранных») могут рекрутироваться в белорусскую культуру (герои Я. Сипакова, О. Бахаревича). И эта картина естественным образом отражает реальное состояние белорусского общества.

REFERENCES:

- Abdziralovich (Kancheuski) Ignat: *Advechnym shlyaham*, https://knihi.com/Ihnat_Kanceuski/Adviecnym_slacham.html.
Data dostupa: 19.08.2021 (Абдзіраловіч (Канчэўскі) Ігнат: *Адвечным шляхам*, https://knihi.com/Ihnat_Kanceuski/Adviecnym_slacham.html. Дата доступу: 19.08.2021).
- Bagushevich Francishak: *Nemec*, https://knihi.com/Francisak_Bahusevic/Niemiec.html. Data dostupa: 04.09.2021 (Багушэвіч Францішак: *Немец*, https://knihi.com/Francisak_Bahusevic/Niemiec.html. Дата доступу: 04.09.2021).
- Bagushevich Francishak: *Pradmova da “Dudki belaruskaj”*, https://knihi.com/Francisak_Bahusevic/Pradmova_da_Dudki_bielaruskaj.html. Data dostupa: 17.09.2021 (Багушэвіч Францішак: *Прадмова да “Дудкі беларускай”*, https://knihi.com/Francisak_Bahusevic/Pradmova_da_Dudki_bielaruskaj.html. Дата доступу: 17.09.2021).
- Bagushevich Francishak: *Hres'biny Macyuka*, https://knihi.com/Francisak_Bahusevic/Chresbiny_Maciuka.html. Data dostupa: 04.09.2021 (Багушэвіч Францішак: *Хрэсьбіны Мацюка*,

- https://knihi.com/Francisak_Bahusevic/Chresbiny_Maciuka.html.
Дата доступа: 04.09.2021).
- Baharevich Al'gerd: *Belarusy na kryshthal'nyh sharah*, <https://litradio.by/fanateka/baharevich/384-belarusy-na-kryshthalnyx-sharax.html>.
Data dostupa: 11.11.2021 (Бахарэвіч Альгерд: *Беларусы на крыштал'ных шарах*, <https://litradio.by/fanateka/baharevich/384-belarusy-na-kryshthalnyx-sharax.html>. Дата доступа: 11.11. 2021).
- Belaruski N-korpus, <https://bnkorpus.info/korpus.html>. Data dostupa: 21.09.2021 (Беларускі N-корпус, <https://bnkorpus.info/korpus.html>. Дата доступа: 21.09.2021.).
- Bulgakau Valer: *Moj Bagushevich: dyuialektyka klyasychnaga tekstu*, <https://knihi.com/storage/frahmenty/4bulhakaw.htm>. Data dostupa: 02.08.2021 (Булгакаў Валер: *Мой Багушэвіч: дыялектыка класычнага тэксту*, <https://knihi.com/storage/frahmenty/4bulhakaw.htm>. Дата доступа: 02.08.2021).
- Byazlepkina Aksana: *Belaruskaya litaraturnaya klasika: sinhranichny i dyuahranichny aspekt, v: Spadchyna I.Y. Navumenki i aktual'nyya prablemy litaraturaznaustva*, red. Ivan Shtejner. Gomel', 2014 (Бязлепкіна Аксана: *Беларуская літаратурная класіка: сінхранічны і дыяхранічны аспект, в: Спадчына І.Я. Навуменкі і актуальныя праблемы літаратуразнаўства*, ред. Іван Штэйнер. Гомель, 2014).
- Byazlepkina Aksana: *Idejna-mastackaya peraemnasč' u belaruskim litaraturnym pracese kanca XX st.*(dissertaciya). Minsk 2006 (Бязлепкіна Аксана: *Ідэйна-мастацкая пераемнасць у беларускім літаратурным працэсе канца XX ст.*(диссертация). Минск 2006).
- Zhukouski Danila: *Apokryf znyaveranujh*, „ARCHE” 2006 № 5 (Жукоўскі Даніла: *Апокрыф знявераных*, „ARCHE” 2006 № 5).
- Karskij Evfimij: *Belorusy*. Tom 1. *Vvedenie v izuchenie yazyka i narodnoj slovesnosti*. Varshava 1903. T. I (Карский Евфимий: *Белорусы*. Том 1. *Введение в изучение языка и народной словесности*. Варшава 1903. Т. I).
- Kupala Yanka: *Tutejshy*, https://knihi.com/Janka_Kupala/Tutejsy.html.
Data dostupa: 17.09.2021 (Купала Янка: *Тутэйшы*, https://knihi.com/Janka_Kupala/Tutejsy.html. Дата доступа: 17.09. 2021).
- Kupala Yanka: *Tutejshyua*, https://knihi.com/Janka_Kupala/Tutejsyja.html. Data dostupa: 22.10.2021 (Купала Янка: *Тутэйшыя*,

- https://knihi.com/Janka_Kupala/Tutejsyja.html. Дата доступа: 22.10.2021).
- Lomykina Natal'ya: *Urok chteniya: kto takaya pisatel'nica Svetlana Aleksievich*, <https://www.forbes.ru/forbes-woman/karera/302529-urok-chteniya-kto-takaya-pisatel'nitsa-svetlana-aleksievich>. Дата доступа: 01.11.2021 (Ломыкина Наталья: *Урок чтения: кто такая писательница Светлана Алексиевич*, <https://www.forbes.ru/forbes-woman/karera/302529-urok-chteniya-kto-takaya-pisatel'nitsa-svetlana-aleksievich>. Дата доступа: 01.11.2021).
- Musoryn Alyaksej: *Pinskaya shlyaheta-2*, „ARCHE” 2006 № 5 (Мусорын Аляксей: *Пінская шляхта-2*, „ARCHE” 2006 № 5).
- Navarych Ales': *Litouski vouk*, https://knihi.com/Ales_Navarych/Litouski_vouk.html. Дата доступа: 01.11.2021 (Наварыч Алесь: *Літоўскі воўк*, https://knihi.com/Ales_Navarych/Litouski_vouk.html. Дата доступа: 01.11.2021).
- Pershaj Aleksandr: *Tutejshasc' kak taktika kul'turnogo soprotivleniya: o lokal'nosti, social'noj mobil'nosti i belarusskoj nacional'noj identichnosti*, „Forum novejshej vostochnoevropskoj istorii i kul'tury” 2012, № 2. <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss18/12Pershaj.pdf>. Дата доступа: 02.08.2021 (Першай Александр: *Тутэйшасць как тактика культурного сопротивления: о локальности, социальной мобильности и белорусской национальной идентичности*, „Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры” 2012, № 2. <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss18/12Pershaj.pdf>. Дата доступа: 02.08.2021).
- Sin'kova Lyudmila: *Belaruskaya tradytsyia u tvorchasci S. Aleksievich*, v: *Belaruskaya «zvushlitaratura»*. Minsk 2019 (Сінькова Людміла: *Беларуская традыцыя ў творчасці С. Алексіевіч*, в: *Беларуская «звышлітаратура»*. Мінск 2019).
- Sin'kova Lyudmila: *Mec' ulasny poglyad na svayu gistoryyu (Proza pra Slucki zbrojny chyn)*, v: *Belaruskaya «zvushlitaratura»*. Minsk 2019 (Сінькова Людміла: *Мець уласны погляд на сваю гісторыю (Проза пра Слуцкі збройны чын)*, в: *Беларуская «звышлітаратура»*. Мінск 2019).
- Sipakou Yanka: *Tyya, shto iduc'*, https://knihi.com/Janka_Sipakou/Tyya_sto_iduc.html. Дата доступа: 10.11.2021 (Сіпакоў Янка: *Тыя, што*

ідуць, https://knihi.com/Janka_Sipakou/Tuja,_sto_iduc.html. Дата доступа: 10.11.2021).

Tychyna Mihas': *Prachnitsa znakamitym*, „ARCHE” 2006 № 5 (Тычына Міхась: *Прачнуцца знакамітым*, „ARCHE” 2006 № 5).

Shaulyakova-Barzenka Iryna: *Kanceptavaya tapagrafiya najnoushaj belaruskaj litaratury*, v: „Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny” 2017 № 1 (100) (Шаўлякова-Барзенка Ірына: *Канцэптавая тапаграфія найноўшай беларускай літаратуры*, в: „*Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*” 2017 № 1 (100)).

[Bez avtora] Pisatel'nica Svetlana Aleksievich udostoena Nobelevskoj premii, <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2015/10/08/612083-aleksievich-nobelevskoi-premii>. Дата доступа: 01.11.2021 ([Без автора] Писательница Светлана Алексиевич удостоена Нобелевской премии, <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2015/10/08/612083-aleksievich-nobelevskoi-premii>. Дата доступа: 01.11.2021)

Waszczyńska Katarzyna: *Tożsamość narodowa białorusinów w kontekście białoruskiego systemu wartości*, v: *Litaraturaznaustva. Etnalogiya*, red. Iryna Bagdanovich, Taccyana Valodzina. Minsk 2010 (Waszczyńska Katarzyna: *Tożsamość narodowa białorusinów w kontekście białoruskiego systemu wartości*, в: *Літаратуразнаўства. Этналогія*, ред. Ірына Багдановіч, Таццяна Валодзіна. Мінск 2010).